

ГЛАВА IV. Заключение

I. Нравственные выводы

Приведенные выше наблюдения можно распространить на наши собственные общества.

Значительная часть наших нравственных законов и самой нашей жизни по-прежнему погружена в ту же самую атмосферу, соединяющую в себе дар, долг и свободу. К счастью, не все еще оценивается исключительно в понятиях купли и продажи. Вещи обладают еще чувственной ценностью помимо продажной, если только вообще в них может существовать продажная ценность сама по себе. У нас есть не только мораль торговцев. Остаются еще люди и классы, сохраняющие прежние нравы, и мы подчиняемся им почти все, по крайней мере в определенные времена или в определенных случаях.

Невозмещенный дар также принижает того, кто его принял, особенно если он заведомо принят с умыслом не возмещать. Достаточно вспомнить любопытное эссе Эмерсона "On Gifts and Presents"[950], чтобы понять, что мы не вышли за пределы нравов германцев.

Благотворительность так же ранит того, кто ее принимает[951], и вся сила нашей морали направлена на ликвидацию подсознательного и оскорбительного превосходства богатого «жертвователя».

Приглашение требуется возвращать точно так же, как «знак вежливости». Мы видим здесь фактически след древней традиционной основы, древнего благородного потлача. Кроме того, мы видим, как обнажаются фундаментальные мотивы человеческой деятельности: соревнование между индивидами одного пола[952], «прирожденный империализм» мужчин; основа социальная, с одной стороны, животная и психологическая — с другой. В той особой части нашей жизни, которая представляет собой жизнь в обществе, сами мы не можем «оставаться в долгу». Надо возвращать больше, чем получено. «Ответное угощение» всегда дороже и больше. Такой была в Лотарингии деревенская семья времен нашего детства, которая ограничивалась самой скромной жизнью в обычной обстановке и разорялась ради гостей, в дни храмовых праздников, свадеб, причастия или похорон. В этих случаях надо показать себя «важным господином». Можно даже сказать, что часть нашего народа ведет себя так постоянно и тратит, не считая, когда речь идет о гостях, праздниках, праздничных подарках.

Приглашение должно быть сделано и должно быть принято. У нас существует еще этот обычай, даже в наших либеральных корпорациях. Не более 50 лет назад, а возможно, и позднее в некоторых частях Германии и Франции в свадебном пиршестве принимала участие вся деревня. Отказ кого-либо от приглашения был очень дурным знаком, предзнаменованием и доказательством зависти, «порчи». Во Франции во многих местах до

сих пор все принимают участие в подобной церемонии. В Провансе при рождении ребенка каждый приносит яйцо и другие символические подарки.

Продаваемые вещи еще имеют душу; за ними еще следует их бывший собственник, и они следуют за ним. В одной из долин в Вогезах, в Корнимоне, еще недавно практиковался обычай, который, возможно, и сейчас сохраняется в некоторых семьях: для того чтобы купленные животные забыли своего прежнего хозяина и не пытались вернуться «домой», делали крест на перекладине над дверью хлева, хранили недоуздок продавца, кормили животных солью с руки. В Раон-о-Буа им давали сдобный хлебец, который трижды обносили вокруг крюка для подвешивания котла над огнем, причем подносили его скотине правой рукой. Речь идет, правда, о крупном скоте, который составлял часть семьи, при этом хлев составлял часть дома. Но и множество других французских обычаев обозначает необходимость оторвать проданную вещь от продавца, например: ударить по проданной вещи, хлестнуть продаваемого барана и т. д.[953].

Можно даже сказать, что ряд законов, которыми руководствуются промышленники, в наше время вступает в конфликт с моралью. Экономические предрассудки народа, производителей проистекают из их непоколебимого стремления следовать за проданной вещью и острого ощущения, что их труд перепродается без их участия в прибыли.

В наши дни старые принципы восстают против жестокости, абстрактности и бесчеловечности теперешних кодексов. Исходя из этого, можно сказать, что смысл целого ряда возникающих в наше время законов и обычаев состоит в возврате к прошлому. И эту реакцию против римско-саксонской бесчувственности нашего строя следует признать совершенно здоровой и обоснованной. Именно так следует интерпретировать некоторые новые обычаи и правовые принципы.

Понадобилось значительное время, чтобы признать право художественной, литературной и научной собственности помимо элементарного акта продажи рукописи, первой машины или оригинального произведения искусства. В действительности общества не очень заинтересованы в признании за наследниками прав на вещи, созданные автором или изобретателем, этим благодетелем человечества. Эти вещи охотно объявляют результатом не только индивидуального, но и коллективного духа; все хотят, чтобы они как можно скорее оказались в общественной сфере или в общем обращении богатств. Тем не менее скандалы, связанные с прибавочной стоимостью, возникающей в процессе перепродажи произведений живописи, скульптуры и прикладного искусства при жизни художников и их ближайших наследников, способствовали принятию во Франции в сентябре 1923 г. закона, дающего художнику и его близким право на будущую прибавочную стоимость, образующуюся при каждой последующей продаже его произведений[954].

Все наше законодательство в области социального обеспечения, этот уже реализованный государственный социализм, основывается на следующем принципе: трудящийся живет ради общества. И отдает свой труд, с одной стороны, ему, с другой — своим патронам, и если он должен вносить свой вклад в социальное обеспечение, то и те, кто пользовался его услугами, не освобождаются от обязательств перед ним помимо заработной платы. Само государство, представляющее общество, в котором участвуют и он сам, и его патроны,

должно обеспечить ему определенные жизненные гарантии на случай безработицы, болезни, старости, смерти.

Даже хитроумные новшества, например кассы семейной помощи, которые наши французские промышленники по своей воле активно развернули на пользу семейным рабочим, стихийно соответствуют этой потребности привязать к себе самих индивидов, учитывая лежащие на них обязанности и связанные с ними материальные и моральные интересы[955]. Аналогичные ассоциации также успешно функционируют в Германии и Бельгии. В затяжной период ужасной безработицы, коснувшейся миллионов рабочих, в Великобритании зарождается целое движение за страхование против безработицы, которое было бы обязательным и организованным по корпорациям. Города и государства устали от огромных расходов, от пособий по безработице, причина которой кроется в самой промышленности и в общих условиях рынка. Кроме того, видные экономисты, капитаны индустрии (г-н Пибус, сэр Линден Макасси), выступают за то, чтобы предприятия сами организовывали эти кассы на случай безработицы по корпорациям, чтобы они сами совершали эти жертвоприношения. В целом они хотели бы, чтобы стоимость рабочего страхования, защиты от безработицы, составляла часть общих расходов каждой отрасли промышленности в отдельности.

Эта мораль, это законодательство в целом означают, по нашему мнению, не упадок права, а возврат к нему[956]. С одной стороны, мы видим, как рождаются на свет и становятся реальным фактом профессиональная мораль и корпоративное право. Все эти кассы социального обеспечения, общества взаимопомощи, которые промышленные группировки образуют ради тех или иных корпоративных целей, с точки зрения чистой морали не запятнаны никаким пороком, за исключением того, что управляют ими только предприниматели. Помимо того действуют также группы: государство, общины, благотворительные учреждения, пенсионные и сберегательные кассы, общества взаимопомощи, патронат, наемные рабочие. Они объединены, например, в социальном законодательстве Германии, Эльзаса-Лотарингии и в ближайшем будущем объединятся в социальном обеспечении Франции. Мы возвращаемся, следовательно, к групповой морали.

С другой стороны, государство и его подгруппы хотят заботиться об индивидах. Общество хочет отыскать клетку социального организма. Оно внимательно изучает индивида, сближается с индивидом в примечательном состоянии духа, где смешиваются ощущения его собственных прав и другие, более чистые чувства: милосердия, «социального служения», солидарности. Темы дара, добровольности и обязательности в даре, темы щедрости и выгоды, получаемой от процесса отдавания, возвращаются к нам, подобно тому как вновь появляется давно забытая ведущая мелодия.

Но констатировать факт недостаточно, надо извлечь из него практическое правило, моральное предписание. Недостаточно утверждать, что право находится в процессе освобождения от некоторых абстракций, в частности от различия между вещным и обязательственным правом; что оно находится в процессе прибавления других правовых систем к грубому праву продажи и платы за услуги. Надо признать, что это — хорошая революция.

Прежде всего мы возвращаемся — и нам надо вернуться — к нравам «благородных трат». Надо, чтобы богатые — как в англосаксонских странах, как во многих других современных обществах, отсталых и высокоцивилизованных, — свободно, а также по необходимости вернулись к тому, чтобы рассматривать себя как своего рода казначеев своих сограждан. В античных цивилизациях, от которых произошли наши, практиковались в одних — юбилей[957], в других — литургии[958], хорегии[959] и триерархии[960], сиситтии[961], обязательные расходы эдила[962] и консульских лиц[963]. Нам следует вновь возвыситься до законов подобного рода. Кроме того, необходимо больше заботы об индивиде, его жизни, здоровье, образовании (рентабельной, впрочем, вещи), о его семье и ее будущем. Требуется больше честности, мягкости, великодушия в договорах о найме, об аренде жилья, продаже необходимых продовольственных продуктов. И обязательно нужно найти средства ограничить последствия спекуляции и ростовщичества.

Надо, однако, чтобы индивид работал, чтобы он больше рассчитывал на себя, чем на других. С другой стороны, надо, чтобы он защищал свои интересы, индивидуально и в группе. Избыток великодушия и коллективизма были бы для него и для общества так же вредны, как и эгоизм наших современников и индивидуализм наших законов. В «Махабхарате» злой дух лесов объясняет брахману, который слишком много и некстати отдавал: «Вот почему ты худ и бледен». Следует равно избегать жизни монаха и жизни Шейлока. Новая мораль, несомненно, будет заключаться в хорошо взвешенной смеси реальности и идеала.

Итак, можно и должно вернуться к архаическому, к исходным началам. Мы обнаружим мотивы жизни и действия, до сих пор известные многочисленным обществам и классам: радость отдавать публично; удовольствие тратить художественно и великодушно; удовольствие принимать гостей и участвовать в личном и общественном празднике. Социальное обеспечение, забота общества взаимопомощи, профессиональной группы, всех этих юридических лиц, которых английское право награждает именем “Friendly Societies”, лучше, чем просто личная безопасность, которую дворянин гарантировал своему арендатору, лучше, чем нищенская жизнь, которую обеспечивает поденная плата, назначенная предпринимателем, и даже лучше, чем капиталистическое накопление, основанное только на изменчивом кредите.

Можно даже представить себе, каким было бы общество, в котором бы царили подобные принципы. Среди свободных профессий современных великих наций уже в какой-то степени функционируют мораль и экономика подобного рода. Честь, бескорыстие, корпоративная солидарность здесь не пустые слова; они не противостоят также потребностям производства. Давайте гуманизируем таким же образом другие профессиональные группы и еще больше усовершенствуем отмеченные принципы. Это будет значительным реальным прогрессом, за который постоянно ратовал Дюркгейм.

Добившись этого, мы, с нашей точки зрения, вернемся к неизменной основе права, к самому принципу нормальной социальной жизни. Вовсе не нужно, чтобы гражданин был слишком добрым и субъективным или же слишком бесчувственным и реалистичным. Ему необходимо остро чувствовать самого себя, но чувствовать также и других и социальную реальность (хотя в этих моральных явлениях никакой другой реальности не существует). Ему необходимо действовать с учетом самого себя, подгрупп и общества в целом. Эта мораль

вечна; она свойственна и наиболее развитым обществам, и обществам ближайшего будущего, и самым неразвитым обществам, какие только возможно себе представить. Мы соприкасаемся здесь с чем-то незабываемым, как скала. Мы говорим здесь уже не о правовых понятиях, а о людях и группах людей, ибо именно они — общество, люди, обладающие чувствами, разумом и плотью, — действуют и действовали всегда и везде.

Продемонстрируем это наглядно. Система, которую мы предлагаем называть системой совокупных, тотальных поставок, от клана к клану (та, в которой индивиды и группы обменивают все между собой), представляет собой самую древнюю экономико-правовую систему, какую только мы можем установить и понять. Она образует основу, из которой выделилась мораль дара-обмена. Однако она полностью, сохраняя все пропорции, принадлежит к тому же типу, к которому было бы так желательно движение наших обществ. Чтобы сделать понятными эти удаленные друг от друга фазы права, приведем два примера, взятые в весьма различных обществах.

В корробори (групповом драматическом танце) в Пайн Маунтин[964] (центральная часть восточного Квинсленда) каждый индивид по очереди выходит в освященное место, с копьем в одной руке, а другую руку держа за спиной; он бросает свое оружие в круг на другом конце площадки для танцев, одновременно громко называя место, откуда он пришел, например: «Мой край — Куниан»[965]. Он останавливается на какой-то момент, и в это время его товарищи «кладут подарок» (копье, бумеранг, другое оружие) в другую его руку. «Хороший воин может получить таким образом больше, чем сможет удержать его рука, особенно если у него есть дочери на выданье»[966].

В племени виннебаго (племенная группа сиу) вожди кланов адресуют своим собратьям[967], вождям других кланов, очень характерные речи, представляющие собой образцы этикета[968], распространенного во всех цивилизациях индейцев Северной Америки. Каждый клан во время своего праздника варит еду, приготавливает табак для представителей других кланов. Вот, например, каковы отрывки из речей вождя клана Змеи[969]: «Я приветствую вас; это хорошо; как мог бы я сказать иначе? Я бедный, ничего не стоящий человек, а вы вспомнили обо мне. Это хорошо... Вы подумали о духах и пришли посидеть со мной... Ваши блюда вскоре наполнятся, и я приветствую вас вновь, вас, людей, занявших место дуков...» и т. д. И после того как каждый из вождей поел, после того как принесли в жертву табак, бросив его в огонь, завершающая формула подводит нравственный итог празднику и всем его поставкам: «Я благодарю вас за то, что вы пришли занять это место, я признателен вам. Вы поддержали меня... Благословение ваших дедов (которое себя проявляло и которое вы воплощаете) равно благословию духов. Хорошо, что вы приняли участие в моем празднике. Да будет так, как говорили наши предки: «Ваша жизнь слаба, и вы можете обрести силу только благодаря “совету славных”». Вы мне дали совет... Это для меня жизнь».

Итак, в разных точках эволюции человека не существует двух разных мудростей. Надо принять, стало быть, в качестве принципа нашей жизни то, что всегда было и будет принципом: выходя за пределы своего Я, отдавая добровольно и обязательно, мы не рискуем ошибиться. Прекрасная поговорка маори гласит:

Ко Мару каи ату
Ко Мару каи маи
Ка нгохе нгохе.

«Отдавай столько, сколько ты берешь, и все будет очень хорошо»[970].

II. Экономико-социологические и политико-экономические выводы

Приведенные факты не только проясняют нашу мораль и помогают управлять нашим идеалом. Опираясь на них, можно лучше анализировать наиболее общие экономические факты, и именно этот анализ помогает выявить лучшие методы управления, применимые в наших обществах.

Мы неоднократно видели, насколько вся эта экономика обмена-дара далека от рамок так называемой естественной экономики, от утилитаризма. Все эти важные явления экономической жизни рассмотренных народов (обратим внимание, что они хорошо представляют великую неолитическую цивилизацию), все значительные пережитки этих традиций в обществах, родственных нам, или в обычаях наших обществ не укладываются в схемы, которые обычно предлагают те немногие экономисты, что стремятся сравнивать различные экономики[971]. Мы присоединяем поэтому наши вторичные наблюдения к наблюдениям Малиновского, посвятившего целый труд тому, чтобы «взорвать» ходячие учения о «первобытной» экономике[972].

Приведем ряд достоверно установленных фактов.

Понятие стоимости функционирует в этих обществах; в них собраны очень значительные, совершенно явные излишки, которые расходуются часто без всякой пользы с большой роскошью[973], в которой нет ничего меркантильного. Существуют знаки богатства, нечто вроде денег[974], которые обмениваются. Но вся эта весьма богатая экономика еще полна религиозных начал: деньги еще обладают магической властью и связаны с родом или индивидом[975]. Разнообразные виды экономической деятельности, например рынок, насыщены обрядами и мифами. Они сохраняют церемониальный, обязательный, действенный характер[976], пронизаны обрядовыми и правовыми элементами, полны обрядов и прав. С этой точки зрения мы уже отвечаем на вопрос относительно религиозного происхождения понятия экономической ценности, поставленный Дюркгеймом[977]. Эти факты содержат также ответы на массу вопросов, касающихся форм и причин того, что столь неудачно называют обменом, «делкой», *permutatio*[978] полезных вещей, из которых историческая экономика вслед за благоразумными латинянами, в свою очередь следовавшими за Аристотелем[979], выводит происхождение разделения труда. В любом из этих обществ, в большинстве своем уже достаточно хорошо описанных, циркулирует нечто совсем иное, нежели полезность. Клань — возрастные и, как правило, половые группы — в силу многочисленных связей, существующих благодаря договорам, находятся в состоянии непрерывного экономического брожения, и это возбуждение само по себе весьма

непрактично. Это состояние гораздо менее прозаично, чем наши продажи и покупки, наем рабочей силы или биржевые игры.

Можно, однако, пойти еще дальше, чем мы это сделали. Можно иначе разложить, перемешать, окрасить и определить заново понятия, которыми мы пользовались. Употреблявшиеся нами термины «подношение», «подарок», «дар» сами по себе не очень точны. Мы просто не нашли других, вот и все. Те правовые и экономические понятия, которые мы любим противопоставлять: свобода и долг; щедрость, великодушие, роскошь и бережливость, интерес, польза, — все они нуждаются в пересмотре и уточнении. Мы можем сделать лишь некоторые замечания по этому поводу: возьмем, например, Тробрианские острова[980]. Здесь также сложное понятие связано со всеми описанными нами экономическими действиями; и оно не относится ни к сугубо свободной и необязательной поставке, ни к чисто корыстному участию в производстве и обмене полезных благ. Здесь расцвело нечто вроде гибрида.

Малиновский приложил серьезные усилия[981], чтобы классифицировать с точки зрения побудительных мотивов (от стремления к выгоде до бескорыстия) все соглашения, которые он выявил у тробрианцев. Он располагает их в виде лестницы, от чистого дара до чистой сделки после торга о цене[982]. Эта классификация в основе своей неприемлема. Так, согласно Малиновскому, к типу чистого дара относится дар между супругами[983]. Однако в нашем понимании один из наиболее важных фактов, приводимых Малиновским и проливающих яркий свет на сексуальные отношения среди всего человечества, как раз состоит в близости мапулы[984], «постоянной» платы мужчины своей жене, к чему-то вроде заработной платы за оказываемую сексуальную услугу[985]. Точно так же подарки вождю являются данью; раздачи пищи (сагали) являются вознаграждением за работу, за исполнение ритуалов, например в случае с траурным ночным дежурством[986]. В сущности, эти дары не только не свободны, но реально также и не бескорыстны. В большинстве случаев это уже ответные поставки, совершаемые не только с целью оплаты услуг и вещей, но и для поддержания полезного союза[987], который не может даже быть отвергнут, как, например, союз между племенами рыболовов[988] и племенами земледельцев или гончаров. Однако это факт всеобщий, мы встречали его, например, у маори, цимшиан[989] и т. д. Мы видим, следовательно, где таится та сила, одновременно мистическая и практическая, которая сплавливает кланы и в то же время разделяет их, которая разделяет их труд и в то же время принуждает их к обмену. Даже в этих обществах индивид и группа или, точнее, подгруппа всегда ощущали суверенное право отказаться от договора: именно это вносит оттенок великодушия в циркуляцию благ. Но, с другой стороны, обычно они не имеют на этот отказ права и не заинтересованы в нем, что делает эти удаленные от нас общества все же родственными нашим.

Употребление денег может навести и на другие соображения. Ваигу'а на Тробрианских островах, браслеты и ожерелья, так же как и медные пластины северо-запада Америки или ирокезские вампуны, являются одновременно богатствами, знаками[990] богатства, средствами обмена и платежа, а также вещами, которые надо отдавать, даже уничтожать. Однако это еще и заклады, связанные с использующими их людьми и связывающие их между собой. Но поскольку, с другой стороны, они служат уже денежными знаками, существует интерес в том, чтобы их отдать, с тем чтобы иметь возможность снова

завладеть другими, превратив их в товары или услуги, которые, в свою очередь, вновь превратятся в деньги. На самом деле можно сказать, что тробрианский или цимшианский вождь в какой-то степени действует на манер капиталиста, умеющего избавляться от своих денег в нужное время, чтобы затем восстановить свой переменный капитал. Стремление к выгоде и бескорыстие одинаково объясняют эту форму циркуляции богатств и форму архаической циркуляции следующих за ними знаков богатства.

Даже настоящее уничтожение богатств, вопреки нашим представлениям, не означает полную незаинтересованность. Эти величественные акты не свободны даже от эгоизма. Часто роскошная, почти всегда избыточная, часто сугубо разрушительная форма потребления, где значительные и долго копившиеся блага разом отдаются или даже уничтожаются, особенно в случае потлача[991], придает этим институтам видимость чисто разорительных расходов, детской расточительности. В действительности здесь не просто уничтожают полезные вещи, чрезмерно потребляют огромное количество пищи, но уничтожают ради удовольствия, например, медные пластины, деньги, которые вожди цимшиан, тлинкитов и хайда выбрасывают в воду, а вожди квакиютлей и союзных с ними племен разбивают. Но мотив этих неистовых даров и потребления, безумных потерь и уничтожения богатств ни в коей мере не является бескорыстным, особенно в обществах, практикующих потлач. Между вождями и вассалами, между вассалами и их сторонниками посредством этих даров устанавливается иерархия. Давать — значит демонстрировать свое превосходство, значит быть больше, выше, *magister*, получать, не возвращая или не возвращая больше, — значит подчиняться, становиться клиентом и слугой, становиться меньше и ниже (*minister*).

Магический ритуал кулы, называемый мвазила[992], полон формул и символов, доказывающих, что участник предстоящего договора стремится прежде всего к такого рода выгоде, к социальному и, можно даже сказать, грубому превосходству. Так, заколдовав орехи бетеля, которыми партнеры будут угощаться, заколдовав вождя, его товарищей, их свиней, ожерелья, затем головы и ее «отверстия» плюс все, что принесено, заклады, вступительные дары и т. д., после ворожбы над всем этим колдун не без преувеличения поет[993]:

“ Я опрокидываю гору, гора приходит в движение, гора обрушивается и т. д.
Мое волшебство достигает вершины горы Добу... Моя лодка даст течь... и т.
д. Моя слава — как гром: мой шаг — как гул, производимый летящими
колдунами. Тудуду!

Быть первым, самым красивым, самым удачливым, самым сильным и самым богатым — вот к чему стремятся, чего достигают. Потом вождь подтверждает свою ману, перераспределяя среди своих вассалов, родственников то, что он только что получил. Он поддерживает свой ранг среди вождей, возвращая браслеты за ожерелья, гостеприимство за визиты и так далее... В этом случае богатство с любой точки зрения настолько же является средством престижа, насколько полезной вещью. Но есть ли уверенность в том, что у нас дело обстоит иначе, что и у нас богатство не является прежде всего средством господства над людьми?

Теперь перейдем к проверке другого понятия, которое мы только что противопоставили дару и бескорыстию: понятия интереса, индивидуального стремления к полезному. Полезное также не выступает в том виде, в каком функционирует в нашем собственном сознании. Если какой-то подобный мотив и вдохновляет тробрианских или американских вождей, андаманские кланы и т. д., если он и управлял когда-то щедрыми индусами, благородными германцами и кельтами в их дарах и тратах, то это все-таки не то же самое, что холодный разум торговца, банкира, капиталиста. В этих цивилизациях интерес существует, но не в таком виде, как в наше время. В них копят, но чтобы тратить, чтобы «обязывать», чтобы иметь «преданных людей». С другой стороны, в них обменивают, но главным образом предметы роскоши, украшения, одежду или же непосредственно потребляемые блага, пиры. Возвращают с избытком, но именно для того, чтобы унижить первого дарителя или участника обмена, а не только для того, чтобы возместить ему потерю, причиненную «отложенным потреблением». Интерес существует, но этот интерес есть лишь подобие того, который, как говорят, правит нами.

Между относительно аморфной и бескорыстной экономикой внутри подгрупп, управляющей жизнью австралийских или североамериканских (восток и прерии) кланов, с одной стороны, и экономикой индивидуальной и основанной на чистом интересе, которая, по крайней мере частично, знакома нашим обществам с тех пор, как она была открыта семитскими и греческими народами, — с другой стороны; между этими двумя типами, говорю я, располагается друг над другом целый огромный ряд экономических институтов и событий, и этот ряд не управляется экономическим рационализмом, который теория столь охотно выдвигает на первый план.

Само слово «интерес» — позднего, технического и бухгалтерского происхождения; оно происходит от латинского слова *interest*, которое писали в счетных книгах напротив ожидаемых доходов. В древних этических системах даже самого эпикурейского толка на первом месте всегда стоит стремление к благу и удовольствию, а не к материальной выгоде. Потребовалась победа рационализма и меркантилизма, чтобы обрели силу и были возведены в принцип такие понятия, как выгода и индивид. Можно почти точно датировать триумф понятия индивидуального интереса — вслед за появлением «Басни о пчелах» Мандевиля[994]. Само это понятие с большим трудом и лишь описательно переводится на такие языки, как латинский, греческий или арабский. Даже люди, писавшие на классическом санскрите и употреблявшие слово *артха*, довольно близкое к нашей идее интереса, представляли себе интерес (как и другие категории деятельности) иначе, чем мы. Священные книги классической Индии уже разделяли человеческую деятельность согласно закону (*дхарма*), пользе (*артха*) и желанию (*кама*). Но там речь идет прежде всего о политическом интересе: царя, брахманов, министров, царства и каждой касты. Значительная литература о нитишастре[995] не является экономической.

Именно наши западные общества, причем очень недавно, сделали из человека «экономическое животное». Но мы еще не полностью превратились в существа подобного рода. В массах и элитах широко практикуются безвозмездные и иррациональные расходы; они характерны еще для некоторых ископаемых представителей нашего дворянства. Номо оeconomicus не в прошлом; он в будущем, как человек морали и долга, как человек науки и разума. Очень долго человек был иным, и лишь совсем с недавних пор он начинает

становиться машиной, к которой прибавилась счетная машина.

Впрочем, мы еще, к счастью, далеки от этого постоянного и холодного утилитарного расчета. Давайте глубоко, статистически проанализируем, как это сделал Хальбвакс в отношении рабочего класса, что представляют собой наше потребление, расходы представителей средних классов Запада. Сколько потребностей мы удовлетворяем и какая часть запросов, в конечном итоге бесполезных, остается неудовлетворенной? А богатый человек — сколько он выделяет и сколько может выделить из своего дохода для своей личной пользы? Не напоминают ли его траты на предметы роскоши, искусства, на всякие прихоти, на слуг былую аристократию или варварских вождей, нравы которых мы описали?

Хорошо ли, что так происходит? Это другой вопрос. Вероятно, было бы хорошо, чтобы существовали иные средства расходовать и обменивать, нежели чистая трата. Тем не менее, на наш взгляд, не в расчете индивидуальных потребностей мы найдем метод лучшей экономики. Я считаю, что, даже стремясь увеличить собственное богатство, мы не должны превращаться в чистых финансистов, хотя нам и нужно научиться лучше считать и лучше управлять. Откровенная погоня за выгодами индивида вредна для согласия и целей всего общества, для ритма его работы и развлечений, а в итоге — и для самого индивида.

Мы уже видели, что важные группировки, ассоциации наших капиталистических предприятий стремятся установить непосредственную связь с объединениями своих работников. С другой стороны, все профессиональные объединения, как предпринимательские, так и наемных рабочих, утверждают, что они столь же усердно защищают и представляют общие интересы, как и частные интересы своих членов или интересы их корпораций. Эти прекрасные речи, правда, густо уснащены метафорами. Тем не менее следует признать, что не только мораль и философия, но также и подход и само экономическое искусство начинают подниматься до «социального» уровня. Становится ясно, что в наше время можно заставить людей работать лучше только при условии надежной оплаты в течение всей их жизни той работы, которую они добросовестно выполняют как для других, так и для самих себя. Производитель, участвующий в обмене, вновь чувствует — как это было всегда, но на сей раз ощущает особенно остро, — что он обменивает больше, чем продукт или рабочее время, что он отдает нечто от себя самого, свое время, свою жизнь. Он хочет поэтому быть вознагражденным, хотя бы умеренно, за этот дар. И отказывать ему в этом возмещении — значит подстрекать его к лености и снижению производительности труда.

Можно, вероятно, наметить вывод, который является одновременно социологическим и практическим. Знаменитая сура LXIV «Взаимное обманывание»[996], данная в Мекке Магомету, говорит о Боге:

“ 15. Ваше имущество и дети — только искушение, и у Аллаха великая награда.

16. Бойтесь же Аллаха, как можете, слушайте, повинуйтесь и расходуйте на благо ваших душ! А кто будет обезопасен от скупости своей души — те

счастливы!

17. Если дадите Аллаху хороший заем, Он удвоит вам и простит вас. Аллах — благодарен и кроток.

18. Знающий сокровенное и явное велик, мудр!

Замените имя Аллаха именами общества и профессиональной группы или объедините все три вместе, если вы религиозны; замените понятие милостыни понятиями сотрудничества, труда, поставки для блага другого, и вы получите достаточно хорошее представление о рождающемся в муках экономическом искусстве. Мы уже видим, как оно функционирует в некоторых экономических объединениях и в сердцах масс, которые зачастую лучше, чем их руководители, чувствуют свои и общие интересы.

Возможно, изучая эти смутные стороны социальной жизни, мы немного проясним путь, который следует избрать нашим народам, их мораль в тесной связи с их экономикой.

III. Общесоциологический и нравственный вывод

Позволим себе еще одно замечание относительно используемого нами метода.

Дело не в том, что мы хотим предложить эту работу в качестве образца. Она вся состоит из наметок, недостаточно полна, и анализ мог бы быть продвинут гораздо дальше[997]. В сущности, это главным образом вопросы, которые мы ставим перед историками и этнографами, это намечаемые объекты обследований, поскольку мы не решаем проблему и не даем окончательного ответа. Нам пока достаточно убедиться, что, работая в данном направлении, мы сможем обнаружить множество фактов.

Но если это так, то потому, что есть в этой трактовке проблемы эвристический принцип, который мы хотели бы выделить. Все изученные нами факты являются, если позволено так выразиться, тотальными или, если угодно (но нам меньше нравится это слово), общими социальными фактами, в том смысле, что в одних случаях они приводят в движение общество в целом и все его институты (потлач, сталкивающиеся кланы, посещающие друг друга племена и т. д.), а в других лишь большое число институтов, в частности, когда обмен и договоры касаются в основном индивидов.

Все эти явления суть одновременно явления юридические, экономические, религиозные и даже эстетические, морфологические и т. д. Они являются юридическими и относятся к частному и публичному праву, к организованной и диффузной морали[998]. Они строго обязательны или же просто одобряются или порицаются. Они бывают одновременно политическими и семейными и вызывают интерес социальных классов так же, как и кланов и семей. Они являются религиозными, относятся к религии в узком смысле, а также к магии, анимизму и диффузному религиозному сознанию. Они являются экономическими, ибо идеи

стоимости, полезности, выгоды, роскоши, богатства, приобретения, накопления и, с другой стороны, потребления и даже сугубо расточительных расходов в них присутствуют, хотя и понимаются иначе, чем у нас сегодня. В то же время в этих институтах содержится и важный эстетический аспект, от которого мы намеренно абстрагировались в данном исследовании. Но поочередно исполняемые пляски, всякого рода песни, демонстрации, драматические представления, устраиваемые друг для друга селениями или союзниками; всякого рода вещи, которые с любовью изготавливают, используют, украшают, полируют, с любовью собирают и передают, все, что с удовольствием принимают и с успехом дарят, сами пиршества, в которых участвуют все, где и пища, и вещи, и услуги, даже «уважение», как говорят тлинкиты, становятся предметом эстетической эмоции, а не только эмоции морального порядка или интереса[999]. Это верно не только в отношении Меланезии, но также в еще большей мере в отношении потлача северо-запада Америки и праздника-рынка в индоевропейском мире[1000]. Наконец, это явно морфологические явления. Все здесь происходит в процессе публичных сборов, ярмарок и рынков или, во всяком случае, на устраиваемых на них праздниках. Последние предполагают собрания множества людей, длительность которых может значительно возрасти в сезон социальной концентрации, как это бывает в зимних потлачах у квакиютлей или в длящихся неделями морских экспедициях меланезийцев. С другой стороны, необходимо, чтобы существовали дороги или хотя бы тропы, моря или озера, обеспечивающие нормальное передвижение. Необходимы племенные и межплеменные или интернациональные союзы, *commercium* и *connibium*[1001].

Следовательно, это больше, чем темы, больше, чем элементы институтов, больше, чем сложные институты, больше даже, чем системы институтов, разделенные, например, на религию, право, экономику и т. д. Это «целостности» (*des "touts"*), целые социальные системы, функционирование которых мы пытались описать. Мы наблюдали общества в динамическом, или физиологическом, состоянии. Мы не исследовали их в застывшем, статичном, или, более того, мертвом состоянии, мы ни в коей мере не препарировали и не разделяли их на правовые предписания, на мифы, ценности и цены. Рассматривая все в целом, мы смогли почувствовать главное, движение целого, живой облик, скоротечный момент, когда общество, люди явственно осознают самих себя и свое положение по отношению к другим. Конкретные наблюдения над социальной жизнью служат средством обнаружения новых фактов, которые мы только начинаем смутно улавливать. На наш взгляд, нет ничего более насущного и плодотворного, чем такое изучение социальных фактов.

Оно имеет двойное преимущество. Прежде всего преимущество общности, так как эти повсеместно присутствующие факты обладают большей универсальностью, чем отдельные институты или различные аспекты этих институтов, окрашенные в локальные цвета, всегда более или менее случайно. Но главное — это преимущество приближения к реальности. Нам удастся, таким образом, наблюдать социальные явления в их конкретности, такими, каковы они в действительности. Рассматривая общество в целом, мы постигаем больше, чем идеи или правила, мы познаем людей, группы и их поведение. Мы видим их движение так же, как в механике наблюдают массы и системы или как в море — осьминогов и анемоны. Мы воспринимаем людские множества и те движущие силы, которые возникают в их среде и чувствах.

Историки часто высказывают справедливые возражения против слишком абстрактного подхода социологов, слишком резкого разделения различных элементов обществ. Надо действовать, как историки: наблюдать то, что дано. Однако данное — это Рим, Афины, средний француз, это меланезиец с того или иного острова, а не молитва или право в себе. После того как социологи по необходимости слишком много разделяли и абстрагировали, им надо постараться вновь воссоздать целое. Таким образом они найдут плодотворные данные, которые смогут также удовлетворить психологов. Последние живо ощущают свое преимущество, а психопатологи особенно уверены в том, что изучают конкретное. Все они исследуют или должны были бы исследовать поведение целостных, а не разделенных на свойства человеческих существ. Надо брать с них пример. В социологии исследование конкретного, т. е. целого, так же возможно и еще более увлекает и объясняет. Что касается нас, то мы наблюдаем цельные и сложные реакции количественно определенных множеств людей, существ цельных и сложных. Мы описываем, что происходит с их телами и *psyche* [душами], когда описываем поведение этой массы и соответствующие ему психические проявления: чувства, идеи, волевые акты толпы или организованных обществ и их подгрупп. Мы наблюдаем также и их реакции, проявлениями которых и, реже, мотивами обычно служат идеи и чувства. Принцип и цель социологии — понять целиком всю группу и ее поведение в целом.

У нас не было времени (и это непомерно расширило бы рамки нашей темы), чтобы попытаться сразу раскрыть морфологическую основу всех отмеченных нами фактов. Тем не менее, вероятно, полезно указать, по крайней мере в качестве примера, на метод, который мы хотели бы применить, направление возможного дальнейшего исследования.

Все общества, описанные нами выше (за исключением наших европейских обществ), являются сегментарными[1002]. Даже индоевропейские общества: римское до эпохи Двенадцати Таблиц, германские общества еще в очень позднюю эпоху, вплоть до создания «Эдды», ирландское общество вплоть до создания его основной литературы — еще базировались на кланах и по крайней мере на больших семьях, более или менее нераздельных внутри и более или менее изолированных друг от друга вовне. Все эти общества далеки или были далеки от нашего объединения и от единства, которое им приписывает несостоятельная история. С другой стороны, внутри этих групп индивиды, даже ярко выделявшиеся, были менее унылыми, менее серьезными, скупыми и себялюбивыми, чем мы. По крайней мере внешне они были или остаются более щедрыми и склонными делать подарки, чем мы. Поскольку и во время племенных праздников, церемоний соперничающих, объединяющихся в союзы или взаимно иницирующих кланов и семей группы обмениваются визитами; поскольку и в более развитых обществах (с развитием закона «гостеприимства») закон дружбы и договоров с богами обеспечил «мир» для «рынков» и городов, люди в течение длительного периода и во многих обществах сходились в примечательном состоянии сознания (которое выглядит безумным только в наших глазах): преувеличенной боязни и вражды и столь же преувеличенной щедрости. Во всех обществах, которые непосредственно нам предшествовали и которые еще нас окружают, и даже в многочисленных обычаях нашей народной нравственности нет середины: либо полностью доверяться, либо полностью не доверять; сложить оружие и отступить от своей магии или отдать все: от мимолетного гостеприимства до дочерей и имущества. Именно в подобном состоянии люди отказались от себялюбивых расчетов и

научились брать на себя обязательство давать и возвращать.

Дело в том, что у них не было выбора. При встрече две группы людей могут только либо разойтись, а если они выражают друг другу недоверие или бросают друг другу вызов, то драться, — либо договориться. И в очень близких к нам правовых и не в очень далеких от нас экономических системах «договариваются» всегда с чужими, даже если они союзники. Жители Киривины на островах Тробриан говорили Малиновскому[1003]: «Добу — не добрые люди, как мы; они жестокие, они людоеды; когда мы приходим к добу, мы боимся их. Они могут нас убить. Но вот я выкладываю имбирный корень, и их настроение меняется. Они откладывают в сторону копья и хорошо нас принимают». Ничто не выражает лучше это неустойчивое состояние между праздником и войной.

Турнвальд, один из лучших этнографов, исследуя генеалогическую статистику, описывает, говоря о другом меланезийском племени[1004], один случай, который столь же хорошо показывает, как внезапно люди всей группой переходят от праздника к битве. Вождь Булеау пригласил другого вождя, Бобала, и его людей на пир, вероятно, первый в длинной серии пиров. Начались танцы, продолжавшиеся всю ночь. Наутро все были возбуждены после ночи бодрствования, плясок и песен. В ответ на простое замечание Булеау один из людей Бобала убил его. И толпа истребила жителей, ограбила деревню, похитила женщин. «Булеау и Бобал прежде всего были друзьями и только потом соперниками», — сказали Турнвальду. Мы все наблюдали подобные факты, даже вблизи.

Именно противопоставляя разум чувству, волю к миру — вспышкам подобного безрассудства, народы успешно замещают союзом, даром и торговлей войну, изоляцию и застой.

В итоге наших исследований мы обнаруживаем следующее. Общества прогрессировали в той мере, в какой сами они, их подгруппы и их индивиды могли стабильно давать, получать и, наконец, возмещать. Чтобы торговать, потребовалось сначала научиться отводить в сторону копья. Именно тогда стали успешно обменивать имущество и людей, уже не только между кланами, но и между племенами, нациями и главным образом между индивидами. Только потом люди научились формировать, взаимно удовлетворять и, наконец, защищать свои интересы, не прибегая к оружию. Именно так клан, племя, народы сумели научиться — как это предстоит сделать завтра в нашем так называемом цивилизованном обществе классам и нациям, а также индивидам, — противостоять друг другу без взаимного истребления и отдавать друг другу, не принося себя в жертву. В этом один из постоянных секретов их мудрости и солидарности.

И помимо названных нет иной морали, иной экономики, иных социальных навыков. Бретонцы в «Хрониках Артура»[1005] рассказывают, как король Артур с помощью плотника из Корнуэлла изобрел чудо своего двора — волшебный «Круглый стол», располагаясь вокруг которого рыцари больше друг с другом не воевали[1006]. Раньше из-за «гнусной зависти» глупые стычки, поединки и убийства заливали кровью прекраснейшие пиры. Плотник сказал Артуру: «Я сделаю для тебя прекрасный стол, за которым шестнадцать сотен человек и более смогут сидеть вокруг него, так что никто не будет лишним... Ни один рыцарь не сможет начать воевать, так как здесь высокопоставленный будет на равной ноге с

низкопоставленным». Не существовало больше «почетного места», а потому и не было больше столкновений. Повсюду, куда Артур возил свой стол, его благородная компания оставалась веселой и непобедимой. И сегодня образуются нации сильные и богатые, счастливые и добрые. Народы, классы, семьи, индивиды смогут богатеть, будут счастливы тогда, когда они сумеют, подобно рыцарям, сесть вокруг общего богатства. Бесполезно ехать в далекие края, чтобы выяснить, в чем добро и счастье. Они здесь, в необходимом мире, в размеренном труде, то совместном, то индивидуальном, в богатстве, собранном, а затем перераспределенном в духе взаимного уважения и великодушия, которым учит воспитание.

Мы видим, как в некоторых случаях можно исследовать тотальное человеческое поведение, социальную жизнь в целом, и видим также, как это конкретное исследование можно довести не только до науки о нравах[1007], до частной социальной науки, но даже до нравственных выводов или, точнее, используя старое слово, до «гражданственности» (“civilité”), до сознания «гражданского долга» (“civisme”), как говорят теперь. Исследования такого рода позволяют уловить, измерить, взвесить разнообразные реальные движущие силы: эстетические, моральные, религиозные, экономические, а также различные материальные и демографические факторы, что в совокупности образует фундамент общества, совместную жизнь, сознательное управление которой — высшее искусство, Политика, в том смысле, как ее понимал Сократ[1008].

Версия #3

Зверобой создал 26 апреля 2026 02:28:21

Зверобой обновил 26 апреля 2026 18:20:45